

Франко-итальянские отношения накануне фашистской агрессии против Эфиопии (март — май 1935)

Итало-фашистская агрессия против независимой Эфиопии была одним из первых агрессивных актов фашистских держав, вступивших на путь открытой борьбы за империалистический передел мира. Одновременно итало-эфиопская война стала ярким примером политики попустительства агрессорам, которую проводили правящие круги Англии и Франции. Обстоятельства этой политики в общих чертах исследованы в советской литературе. Однако в последние годы в оборот были введены новые документы из архивов Франции, Великобритании и Италии, что позволяет прояснить и уточнить обстоятельства политики, проводившейся этими державами накануне второй мировой войны.

Данная статья посвящена развитию франко-итальянских отношений в период подготовки итало-фашистской агрессии против Эфиопии с марта по май 1935 г. — с момента обращения Эфиопии в Лигу Наций с просьбой рассмотреть на Совете Лиги резко обострившиеся отношения с Италией вплоть до обсуждения на сессии Совета Лиги Наций вопроса о прямых итало-эфиопских переговорах под эгидой Лиги. Именно к этому периоду обращена публикация 10 тома первой серии французских дипломатических документов [1]. Документы тома отобраны с таким расчетом, чтобы до минимума принизить ответственность Франции за выдачу Эфиопии на растерзание фашистскому агрессору. Тем не менее, при сопоставлении с опубликованными советскими, английскими, германскими, итальянскими документами, они проясняют роль Франции в сговоре с Италией за счет раздела Эфиопии.

Развитие итало-эфиопского конфликта протекало на фоне общего осложнения международной обстановки, в которой на первое место выдвинулась германская проблема. Особую остроту вопрос о Германии приобрел после ее одностороннего отказа от соблюдения военных ограничений, установленных Версальским договором, и введения 17 марта 1935 г. всеобщей воинской повинности. Однако еще задолго до этой даты в отношениях Франции и Италии наметилась тенденция к сближению, что было связано с нараставшей германской опасностью и угрозой аншлюса Австрии [2. С. 69—73]. Этому сближению способствовало и новое направление французской внешней поли-

тики, возглавленное Пьером Лавалем, занявшим в октябре 1934 г. пост министра иностранных дел Франции.

Франко-итальянское сближение объективно могло способствовать сдерживанию агрессивных планов гитлеровской Германии в балкано-дунайском регионе. Однако если один из инициаторов этого сближения, министр иностранных дел Франции Луи Барту, убитый 9 октября 1934 г. югославскими террористами-урашами, мыслил союз с Италией как один из этапов на пути общеевропейского урегулирования и создания системы коллективной безопасности, то Лаваль, как и глава итальянского правительства Муссолини, сводил достижение договоренности с Италией к обоюдовыгодному империалистическому торгу. Дискуссии на предварительных франко-итальянских переговорах в конце 1934 г. выявили глубокие разногласия между Францией и Италией, особенно в связи с балканской политикой этих стран. Франция стремилась к сотрудничеству с Италией в поисках урегулирования прежде всего экономических отношений в Центральной Европе, причем к сотрудничеству предполагалось привлечь страны Малой и Балканской Антант, а также Австрию и Венгрию, в которых преобладало итальянское влияние. Итальянская дипломатия в свою очередь стремилась создать в Центральной Европе политическую комбинацию, исключавшую участие отдельных стран Малой и Балканской Антант, нарушая тем самым их единство. Казалось, что выявленные разногласия помешают франко-итальянскому сближению, однако тенденция к сближению победила [3. С. 267—272]. К концу 1934 г. стал вырисовываться один из важнейших аспектов этого сближения — сговор за счет Эфиопии: итальянский фашизм стремился добиться согласия Франции на захват Эфиопии в обмен на некоторые уступки в вопросе о Тунисе и сотрудничестве в Европе, к которому стремилась Франция.

7 января 1935 г. в Риме было подписано соглашение Лаваль — Муссолини, затрагивавшее целый ряд европейских и африканских проблем: обязательство взаимных консультаций по поводу Австрии и германских вооружений, отказ Италии от основных требований по поводу особых прав итальянцев в Тунисе, передача Италии ряда территорий на границах Ливии и Эритреи, передача Италии 2500 акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба (что было существенным нарушением предоставленной Франции железнодорожной концессии). Французское правительство брало на себя обязательство не добиваться в Эфиопии удовлетворения интересов, не связанных с эксплуатацией данной железной дороги. [4. С. 161—162]. Как отмечал известный итальянский исследователь Г. Сальвемини, уже через три недели с секретными статьями этого соглашения было ознакомлено и британское руководство [5. Р. 329, 333; 6. № 128. Р. 196—197].

Хотя Эфиопия в соглашениях Лавала — Муссолини практически не упоминалась, современники событий очень ясно понимали направленность соглашения. «Этот документ... теряет для Италии всякий политический смысл, если его рассматривать вне связи с абиссинской проблемой», — писал летом 1935 г. советский историк П. А. Лисовский [7. С. 25]. Фактически в обмен на сотрудничество в Центральной Европе Франция предоставила Италии свободу действий в Эфиопии.

Соглашение Лавала — Муссолини стало одним из первых прецедентов попустительства агрессивным устремлениям фашистских держав. Дальнейшее развитие событий весной 1935 г. подтвердило это.

Период с марта по май 1935 г. — это период борьбы Эфиопии за рассмотрение вопроса о конфликте ее с Италией на сессии Совета Лиги Наций. В этом вопросе правительство Эфиопии рассчитывало на поддержку Франции, с которой Эфиопия находилась в традиционно дружественных отношениях с конца XIX в. (хотя Франция и использовала эти отношения для укрепления своего влияния в Эфиопии, но на территорию Эфиопии она непосредственно не претендовала). Поэтому не случайно было удивление главы Эфиопского государства, высказанное французскому посланнику, что Франция проявляет столь малую заинтересованность в сохранении своих позиций в этой стране [1. № 88. Р. 122]. Однако развитие международной обстановки и общая направленность политики Лавала способствовали решению проблем сближения Франции и Италии именно за счет Эфиопии.

15 марта император Эфиопии Хайле Селассие I принял окончательное решение обратиться в Лигу Наций с просьбой рассмотреть состояние итало-эфиопских отношений на сессии Совета Лиги [6. № 387. Р. 575—576]. 16 марта министр иностранных дел Эфиопии Хыруй Уольде Сылласе направил официальную телеграмму на имя генерального секретаря Лиги Наций Ж. Авеноля с просьбой об арбитраже Лиги в итало-эфиопском конфликте [8. № 5. Р. 571—572]. 17 марта представитель Эфиопии в Лиге Наций Тэкле Хауарьят в специальном меморандуме обосновал это обращение [6. № 473. Р. 667]. Правительство Италии резко возражало против передачи вопроса на обсуждение Лиги Наций. В ноте от 22 марта оно указало, что еще не исчерпаны все возможности прямых итало-эфиопских переговоров в соответствии со статьями 2 и 5 итало-эфиопского договора 1928 г. [9. Р. 31].

Правительство Эфиопии одновременно пыталось добиться возможности приобретения оружия для укрепления обороноспособности страны, так как неизбежность итальянской агрессии стала практически очевидной. Проблема приобретения оружия, наряду с попытками добиться поддержки со стороны Лиги Наций, была в этот период одной из ключевых во внешней поли-

тике Эфиопии. В беседе с французским посланником Бодаром Хайле Селассие I высказал упрек Франции за то, что она препятствует приобретению Эфиопией оружия [1. № 88. Р. 122]. В ноте военного атташе Франции в Аддис-Абебе высказывалась уверенность, что французское противодействие поставкам оружия в Эфиопию создает здесь впечатление, что Франция в этом вопросе выступает лишь как «покорный слуга Италии», и Эфиопия будет вынуждена обратиться в поисках оружия к другим державам [1. № 106. Р. 148]. Еще 25 марта Бодар сообщал своему правительству, что правительство Эфиопии получило предложение долгосрочного кредита для закупки оружия от СССР. «СССР через посредство посла Эфиопии в Париже, который когда-то несколько лет жил в России, заверило правительство Эфиопии в своих симпатиях. Было даже предложение, предоставив кредит, снабжать армию негуса оружием», — писал Бодар в донесении от 25 марта 1935 г. [1. № 10. Р. 9]. Возможно, что поводом для появления подобной информации послужил обмен письмами между министром иностранных дел Эфиопии Хыруй Уольде Сылласе и народным комиссаром СССР по иностранным делам М. М. Литвиновым, связанный с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Эфиопией [10. № 59. С. 108—109]. В связи с этим М. М. Литвинов рекомендовал полпреду СССР во Франции В. П. Потемкину вступить в переговоры с эфиопским послом в Париже Тэкле Хауарьятом [11. С. 142—143]. Однако, вследствие захвата Эфиопии фашистской Италией, восстановление советско-эфиопских дипломатических отношений задержалось до 1943 г.

Правительство Италии было встревожено появившейся в газете «Эко де Пари» и перепечатанной в итальянских газетах информацией о возможных германских военных поставках в Эфиопию. Посол Франции в Риме Ш. де Шамбрэн сообщал в письме от 29 марта 1935 г.: «В газетах опубликовано сообщение, что новый германский посол в Аддис-Абебе обещал императору Хайле Селассие в случае конфликта в Эфиопии предоставить ему военных советников и эскадрилью авиации. Германское правительство категорически опровергло это сообщение» [1. № 65. Р. 98]. Информация была связана с деятельностью германского майора Г. Стеффена, который в декабре 1934 г. был направлен внешнеполитическим отделом НСДАП в Аддис-Абебу с целью разжигания итало-эфиопского конфликта (отвлекая тем самым Италию от активной внешнеполитической деятельности в Европе). По данным западногерманского исследователя М. Функе, Стеффен призвал императора Эфиопии начать превентивную войну с Италией, пока та еще не завершила подготовку к войне против Эфиопии. При этом Стеффен обещал кредит в 11 млн. марок для приобретения тяжелого оружия для трех армий, которые Эфиопия должна будет выдвинуть в направлениях на Асмэру, Асэб и Могадишо. Оплачи-

вать этот кредит Эфиопия должна была поставками сельскохозяйственной продукции. Посол Италии в Аддис-Абебе Л. Винчи сообщил в Рим об интригах Стеффена, и вскоре в римских газетах появилась информация о поставках германского оружия в Эфиопию. После протеста Муссолини и германского опровержения Стеффен был отозван. Однако германские военные поставки в Эфиопию имели место в действительности летом 1935 г. [12. С. 36—38, 43—45].

Основной упор в решении конфликта правительство Эфиопии делало на обсуждение его на сессии Совета Лиги Наций. В письме от 29 марта на имя генерального секретаря Лиги Наций правительство Эфиопии сообщало о безрезультатных трехмесячных переговорах с Италией и просило о создании специальной комиссии Лиги Наций для рассмотрения итало-эфиопских пограничных инцидентов [9. Р. 32]. Одновременно эфиопское правительство через своих послов в Париже и Риме пыталось довести до сведения мирового общественного мнения, получавшего информацию об итало-эфиопском конфликте в основном через фашистские пропагандистские ведомства, свое действительное положение в споре с Италией [13. С. 471].

Французское правительство стремилось создать видимость «сдерживания обоих противников». 30 марта посланник Бодар сообщал из Аддис-Абебы: «После беседы с графом Винчи у меня сложилось впечатление, что современная политическая ситуация в Европе может настроить Италию более примирительно по отношению к Эфиопии, и в связи с этим целесообразнее не выносить вопрос о конфликте на рассмотрение арбитражной комиссии» [1. № 73. Р. 109]. В циркулярном письме представителям Франции за границей Лаваль в категорической форме потребовал неукоснительного разъяснения французской позиции: «Мы должны в основном добиться непосредственного восприятия того факта, что мы стремимся к успокоению племен и сдерживанию обоих противников» [1. № 126. Р. 174]. Эта позиция сказалась и на деятельности представителя Франции в Совете Лиги Наций.

Важным фактором международной жизни стала англо-франко-итальянская конференция в Стрезе, проходившая 11—14 апреля 1935 г. На конференции рассматривалось положение, сложившееся в Европе после отказа Германии от военных статей Версальского договора. Фактически конференция в Стрезе стала шагом на пути «умиротворения» агрессора, так как отказалась от применения каких-либо санкций по отношению к Германии в связи с нарушением ею договора. Вопрос об Эфиопии на конференции в Стрезе формально не ставился, однако фактически в кулуарах конференции велись неофициальные итало-британские переговоры о праве племен Британского Сомали кочевать за пределами границ этой британской колонии. Поскольку эти племена кочевали на эфиопской территории, фак-

тически речь шла о признании преимущественных прав Италии на эти земли [14. Р. 42—43]. Французская сторона еще раз отметила, что ее интересы в Северо-Восточной Африке ограничиваются территорией Французского Берега Сомали и железной дорогой Джибути — Аддис-Абеба, и Франция не препятствует итальянским интересам в этом регионе [15. Р. 85—86].

По свидетельству Дж. Боттаи, Муссолини положительно оценил итоги итало-британского обмена мнениями по вопросу об Эфиопии, указывая, что его подготовка к «эфиопскому предприятию» в период Стрезы была вполне очевидной и не встретила препятствий [15. Р. 83]. Однако итальянский исследователь Р. Мори, ссылаясь на отчет итальянского эксперта по эфиопским делам Гуарнаскелли о переговорах с британским экспертом по африканским делам Томпсоном, считает оптимизм Муссолини необоснованным [16. Р. 23]. Тем не менее факты, приводимые Р. Мори, свидетельствуют, что, выступая на словах в поддержку Эфиопии, правительство Англии на деле шло к достижению взаимоприемлемой договоренности с Италией за счет независимости Эфиопии. [16. Р. 24—26].

На следующий день после завершения конференции в Стрезе 15 апреля 1935 г. открылась созванная по просьбе Франции чрезвычайная 85 сессия Совета Лиги Наций, основным вопросом которой было нарушение Германией Версальского договора. Правительство Эфиопии рассчитывало, что на сессии будет также рассмотрен вопрос об итало-эфиопском конфликте. Незадолго до сессии эфиопское правительство распространило еще одну ноту в Лиге Наций. «Новая абиссинская нота в Лигу Наций по поводу ввоза египетских рабочих для военных работ в Эритрее», — охарактеризовал этот документ представитель Италии в Совете Лиги П. Алоизи [17. Р. 263]. 14 апреля итальянское правительство направило в Лигу Наций документ о согласии на арбитраж Лиги только относительно инцидента в оазисе Уал-Уал (исключив тем самым другие вопросы, связанные с обострением итало-эфиопского конфликта) и о необходимости продолжения прямых двусторонних итало-эфиопских переговоров [18. Р. 41]. Как и в предшествующие заявления итальянского правительства о необходимости следовать букве итало-эфиопского договора 1928 г., заявление от 14 апреля имело целью оттягивание обсуждения конфликта в международной организации, чтобы выиграть время для подготовки агрессии. Этому фактически способствовала и позиция Франции. 15 апреля, на первом заседании Совета Лиги, французская делегация распространила ноту, где, в частности, говорилось: «Французское правительство, как и английское, в январе уже вмешивалось в этот конфликт, тем не менее мы продолжаем оказывать добрые услуги для мирного его разрешения. Однако с другой стороны, понимая трудности, которые могут возникнуть из-за вмешательства Лиги Наций против воли одной из заинтересованных

сторон, Франция настаивает на урегулировании конфликта на основании договора 1928 г.... Решение этого вопроса необходимо отсрочить до ординарной сессии Совета Лиги Наций в мае 1935 г. Эта отсрочка может принести обоюдные выгоды как Италии, так и Эфиопии, которые смогут за это время наметить своих членов арбитражной комиссии» [1. № 198. Р. 327—328]. При поддержке генерального секретаря Лиги Наций Ж. Аве-ноля вопрос об итало-эфиопском конфликте был снят с повестки дня 85 сессии Совета Лиги Наций и перенесен на повестку дня ординарной 86 сессии Совета в мае 1935 г. На чрезвычайной сессии обсуждался только вопрос о нарушении Германией Версальского договора [10. № 186. С. 289—291].

Во второй половине апреля французское правительство продолжало проводить ту же политическую линию по отношению к конфликту в Северо-Восточной Африке. В ноте, направленной в секретариат Лиги Наций, отмечалось, что «с начала года мы стремились избежать вмешательства Совета Лиги Наций в двустороннее урегулирование конфликта вокруг инцидента в Уал-Уале... В Женеве французской делегации удалось отсрочить вмешательство Совета Лиги... Такое вмешательство может иметь очень тяжелые последствия — выход Италии из Лиги Наций прежде, чем нам удастся закрепить сотрудничество западных держав в рамках Женевы... Это откроет гитлеровскому правительству новые возможности для противостояния всем прочим странам, а также для вмешательства его в африканские дела. Момент требует от правительств Англии и Франции перейти к обмену мнениями относительно тех средств, с помощью которых можно было бы остановить предполагаемое развитие событий...» [1. № 260. Р. 419—421]. Французские правящие круги, заинтересованные в сотрудничестве с Италией, по-прежнему продолжали поддерживать итальянские требования невмешательства мировой общественности в итало-эфиопский конфликт.

В начале мая 1935 г. произошло дальнейшее обострение конфликта между Италией и Эфиопией. Это было связано как с новыми проволочками в назначении итальянских членов комиссии по расследованию уал-уалского инцидента, так и с майским призывом резервистов в итальянскую армию. В этих условиях французское правительство, и прежде всего Лаваль, продолжали прилагать все усилия для возможного решения конфликта в пользу Италии мирным путем. Эфиопское правительство рассчитывало на поддержку Лиги Наций, особенно на поддержку СССР. 8 мая в беседе с эфиопским поверенным в делах полпред СССР в Турции Л. М. Карахан сообщал: «Абиссиния возлагает большую надежду, что рассмотрение в Лиге Наций итало-абиссинского конфликта под Вашим (имеется в виду М. М. Литвинов.— *Т. Н.*) председательством приведет к справедливому решению... Абиссинский поверенный в делах ... счи-

тает, что Италия решила захватить Абиссинию с согласия Франции» [10. № 214. С. 323].

Французское правительство стремилось привлечь к осуществлению политики попустительства агрессивным намерениям итальянского фашизма относительно Эфиопии также и Англию, правительство которой придерживалось более осторожного курса. Италия также стремилась добиться поддержки или хотя бы благожелательного нейтралитета Англии по отношению к итальянской политике в Северо-Восточной Африке. В конце апреля — первой половине мая 1935 г. фашистская дипломатия приняла ряд попыток, направленных на достижение благожелательной позиции Англии в итало-эфиопском конфликте [4. С. 171—172]. В письме французскому послу в Риме Корбену 9 мая Лаваль рекомендовал обратить внимание англичан на то, что развитие «сложившейся столь деликатной ситуации целиком зависит от французского и британского правительств, которые должны действовать эффективно и щадить присущую итальянцам обидчивость... чтобы не привести развитие событий к серьезным последствиям» [1. № 335. Р. 510]. В другом инструктивном письме Лаваль отмечал: «Французское правительство в январе достигло с итальянским правительством соглашения об их взаимных интересах в Эфиопии. Британское правительство должно теперь определить свою позицию и сделать соответствующие выводы относительно данного предмета; оно не может не замечать отсутствия какой-либо возможности конфликта между его интересами и законными интересами Италии» [1. № 351. Р. 534]. 13 мая Лаваль в письме французскому послу в Риме Шамброну вновь подчеркнул, что Римское соглашение 7 января 1935 г. полностью урегулировало взаимные интересы Италии и Франции по отношению к Эфиопии [1. № 360. Р. 544]. Одновременно Лаваль высказал мнение, что в данный политический момент главное внимание, независимо от развития конфликта в Эфиопии, следует направить «на осуществление солидарной франко-итальянской политической линии в Центральной Европе в рамках Лиги Наций» [1. № 360. Р. 545]. Французское руководство стремилось добиться дальнейшей координации внешнеполитических действий с Италией по отношению к Австрии и Германии, предоставив ради этого Италии свободу рук в Эфиопии, и желало, чтобы эту политическую линию поддержала и Англия.

Муссолини твердо рассчитывал на поддержку Франции в решении «эфиопского вопроса». В своей речи 13 мая 1935 г., где он подчеркнул, что Италия будет продолжать необходимую подготовку для осуществления военных акций в Эритрее и Сомали, он прямо заявил: «Мы верим в благожелательность Франции, которая, конечно, не желает удовлетворения германских и японских амбиций и не будет препятствовать итальянской политике в Эфиопии» [1. № 370. Р. 553—554]. Муссолини явно на-

мекал на возможное германское проникновение в Эфиопию, связанное с миссией Стеффена, а также на возрастание и расширение японо-эфиопских связей: в 1932—1934 гг. 60 % эфиопского импорта составляли японские товары, существовал проект династического брака между представителями царствующих фамилий Японии и Эфиопии, сообщалось даже о существовании проекта японо-эфиопского договора об иммиграции японцев в Эфиопию [19. С. 93—94]. Цель подобных заявлений главы итальянского правительства была ясна: необходимо было еще раз убедить Францию, что только Италия, имеющая обширные колониальные владения в Северо-Восточной Африке, может реально противостоять германской и японской экономической и политической экспансии в этот регион.

Итальянское правительство не прекращало попытки заручиться английской поддержкой в эфиопском вопросе.

15 мая французский посол в Лондоне сообщал Лавалю: «Итальянский посол заявил мне, что еще в январе, в соответствии с инструкциями своего правительства, он сообщил английскому министерству иностранных дел текст франко-итальянского протокола от 7 января о разграничении зон экономического влияния в Эфиопии. В настоящее время, по его словам, ему поручено внушить британскому правительству желание вступить в переговоры с Римом для заключения по примеру Франции соглашения, которое заменило бы трехстороннее соглашение 1906 г. Предложение это оставлено без ответа. Естественно, прибавил Гранди, что глава итальянского правительства в этих условиях считает необходимым действовать решительно и в одиночку, чтобы ускорить развитие своей политики в Абиссинии» [1. № 379. Р. 563]. Таким образом, Италия определенно рассчитывала на заключение англо-итальянского соглашения относительно Эфиопии, которое, вместе с соглашением Лавалья — Муссолини, заменило бы англо-франко-итальянский договор 1906 г. о сохранении существующего положения в Эфиопии. Однако руководители британской внешней политики отклонили итальянские предложения: Ванситтарт от имени своего правительства заявил Гранди, что при существующих в данный момент внутривластных условиях Лондон не может дать положительного ответа на итальянское предложение о проведении переговоров [4. С. 172]. Как сообщало в эти дни из Лондона Германское информационное бюро (ДНБ), в правящих кругах Великобритании сложилось мнение, что заключение Римского соглашения 7 января 1935 г. ведет к решительному изменению существующего положения в Эфиопии, основанного на трехстороннем договоре 1906 г.: «В этой связи следует заметить, что ни один шаг, по мнению Англии, не мог быть совершен отдельно какими-либо участниками договора 1906 г. В Риме, однако, две державы пришли к иным решениям. Третью державу, Великобританию, не может не тревожить такое

соглашение, если оно не учитывает интересов всеобъемлющего умиротворения, прежде всего в Европе. Но если защита австрийской независимости находится в интересах обеих стран... то реализация соглашения относительно Восточной Африки приведет без достаточной компенсации к итальянизации этого региона» [20. 1935. Mai 30].

Французское правительство продолжало попытки выработать общую англо-французскую линию по отношению к итало-эфиопскому конфликту, чтобы по возможности успокоить общественное мнение и добиться совместной поддержки Италии в ее конфликте с Эфиопией. После длительных усилий дипломатических представителей в Лондоне и Париже был подготовлен и направлен в Рим запрос «об агрессивных намерениях Эфиопии», на которые постоянно ссылались итальянские руководители [1. № 318, 335, 344, 352, 355, 360, 369, 371, 379]. Этот демарш вызвал резкое неудовольствие у Муссолини, который заявил о «невыносимых притязаниях», которые Эфиопия выдвигает по отношению к Италии, о несоразмерных «мерах предосторожности» и военных приготовлениях, предпринимаемых Эфиопией [1. № 383. Р. 565]. Одновременно посол Франции в Риме Шамбрен сообщил Лавалю, что итальянское правительство рассматривает вопрос о возможном французском посредничестве в итало-эфиопском конфликте [1. № 383. Р. 566].

В сложившейся ситуации, накануне обсуждения итало-эфиопского конфликта на сессии Совета Лиги Наций, Италия стремилась еще более укрепить свое взаимодействие с Францией в колониальном вопросе, а также оказать соответствующий дипломатический нажим на британское правительство. Муссолини, подчеркивая добрую волю Италии к мирному решению конфликта, использовал в качестве маневра последовавшее после долгих проволочек назначение итальянских членов арбитражной комиссии по расследованию уал-уалского инцидента, хотя итальянский посол в Аддис-Абебе Л. Винчи заявлял французскому посланнику Бодару, что Муссолини не согласится на арбитраж лиц, назначенных Эфиопией, и не назначит своих представителей в состав арбитражной комиссии [1. № 381. Р. 565].

В такой обстановке итальянское правительство рассчитывало на французскую поддержку своей внешнеполитической линии по отношению к Эфиопии. Расчет этот был ясен для Парижа: Шамбрен 16 мая писал Лавалю: «Цель, к которой мы стремимся — не допустить войны в Восточной Африке, по моему мнению и по мнению сэра Эрика Друммонда (посла Англии в Риме.— *Т. Н.*), имеет больше шансов на успех, если мы окажем Италии поддержку в Аддис-Абебе, чем если мы будем делать запросы в Рим, запросы, которые Муссолини отвергнет не из-за каких-либо конкретных обстоятельств, но по принципиальным соображениям» [1. № 394. Р. 583]. Французское правительство проводило линию на поддержку агрессивных намере-

ний Италии по отношению к Эфиопии и по мере возможности стремилось добиться такой поддержки от Англии. Итальянская дипломатия указывала на Римское соглашение от 7 января 1935 г. как на образец решения колониальных проблем между европейскими державами и продолжала шантажировать Англию и Францию угрозой «возрастания германского влияния» в Эфиопии [1. № 397. Р. 588]. В свою очередь французская дипломатия неоднократно подчеркивала, что Франция не обладает политическими интересами в этой стране [1. № 397. Р. 589].

Одновременно шла и интенсивная подготовка заинтересованных сторон к обсуждению итало-эфиопского конфликта на 86 сессии Совета Лиги Наций. В связи с этим французское правительство с удовлетворением встретило согласие Италии назначить своих представителей в состав арбитражной комиссии по расследованию уал-уалского инцидента; при этом Франция рассчитывала и на аналогичную реакцию со стороны Лондона. В ноте, направленной в секретариат Лиги Наций по вопросам повестки дня 86 сессии Совета Лиги, французское правительство отметило, что еще в апреле Италия подтвердила свои мирные намерения и дала согласие на арбитраж Лиги Наций, оговорило, что Франция не намерена вмешиваться в ход примирительных итало-эфиопских переговоров, предложило свои услуги для мирного урегулирования конфликта и выразило уверенность, что Англия поддержит эту политическую линию [1. № 385. Р. 569]. Однако одновременно французский посол в Лондоне отмечал, что британское руководство весьма пессимистично смотрит на перспективы мирного развития конфликта, но тем не менее по-прежнему не считает необходимым прямые англо-итальянские переговоры [1. № 387. Р. 574]. Английские правящие круги не намеревались оказывать поддержку фашистскому руководству, хотя и не считали нужным активно противодействовать итальянским планам.

Для итальянского руководства было ясно, что Франция считает необходимым рассмотрение итало-эфиопского конфликта в Лиге Наций, хотя бы для успокоения общественного мнения, и, вероятно, окажет при этом существенную поддержку Италии. Представитель Италии в Лиге Наций барон Алоизи в беседе с французским представителем Массигли не скрыл, что Муссолини недоволен грядущим обсуждением итало-эфиопских отношений на сессии Совета Лиги, но признает, что Лига Наций играет существенную роль в общей политике Франции и в связи с этим согласен поставить «эфиопскую проблему» на обсуждение Совета Лиги [1. № 417. Р. 622]. На следующий день, 21 мая, Массигли сообщал Лавалю, что Алоизи постоянно делает прозрачные намеки представителю Англии Идену, говоря о необходимости конкретизации британских интересов в Эфиопии, подобно тому, как в январе 1935 г. были конкретизированы французские интересы в этой стране [1. № 426. Р. 637]. В Риме

Муссолини заявил британскому послу, что Италия наметила свой путь решения «эфиопской проблемы», предусматривающий при необходимости и войну, и если Лига Наций поддержит Эфиопию, то Италия выйдет из Лиги [4. С. 172].

22 мая в Женеве открылась 86 сессия Совета Лиги Наций. Правительство Италии и его дипломатические представители в Женеве продолжали настаивать, что итало-эфиопский конфликт необходимо разрешать в рамках примирительной процедуры, предусмотренной договором 1928 г., без вмешательства третьей стороны. При этом надежды итальянцев на поддержку Франции оправдались: «Во время всех переговоров, проходивших в последние дни, Лаваль был великодушен и очень сильно помогал нам», — записал в дневнике Алоизи [17. Р. 275]. Французская делегация распространила ноту, в которой предлагалась «компромиссная линия переговоров с целью удовлетворения всех заинтересованных сторон»: до 25 июля должны были вестись прямые итало-эфиопские переговоры. В случае, если в этот срок урегулирование достигнуто не будет, до 25 августа должна работать арбитражная комиссия в составе представителей заинтересованных сторон и представителя Лиги Наций. Если урегулирование конфликта не будет достигнуто и к 25 августа, Совет Лиги вновь соберется на заседание [1. № 457. Р. 683—684]. Фактически это предложение предоставляло Италии еще три месяца для подготовки войны, а резолюция Совета Лиги в какой-то степени предохраняла ее от критики прогрессивной мировой общественности. При этом представитель Италии Алоизи делал вид, что итальянская делегация, соглашаясь на такую примирительную процедуру, идет на большие уступки эфиопской стороне, продолжая рассчитывать на мирное урегулирование конфликта, «ибо именно духу примирения, существующему в Италии, Эфиопия должна быть благодарна намного более, чем усилиям Идена и Лавалья» [1. № 465. Р. 695]. В своем заключительном слове на сессии Алоизи отметил, что в предшествующий период Италия ограничивалась исключительно защитой своих территорий от посягательств, применяя только законные средства, но, уважая международный авторитет Лиги Наций и мировое общественное мнение, Италия готова принять французские предложения о процедуре урегулирования конфликта [18. Р. 44]. Изложенная позиция по-прежнему содержала ложные обвинения в адрес Эфиопии в «посягательствах» на территории итальянских колоний, а также фактически разъясняла одну из причин согласия Италии на рассмотрение конфликта в Лиге Наций: итальянское правительство стремилось закамouflировать свои агрессивные намерения, выиграть время, а также использовать в своих целях международный авторитет Франции и Лиги Наций.

Таким образом, правящие круги Франции, рассчитывавшие на итальянскую поддержку своего внешнеполитического курса

в отношении европейских стран, фактически открыто поощряли агрессию фашистской Италии против Эфиопии. Благодаря прежде всего французским усилиям Италия получила более чем полугодовой срок для подготовки агрессии в Северо-Восточной Африке. Сама же политика Франции стала одним из первых актов политики поощрения агрессоров, которая в конечном итоге привела к новой мировой войне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Documents diplomatiques français. Sér. 1. P., 1981. Т. 10.
2. *Савинова О. В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях (1933—1935)//Проблемы итальянской истории. М., 1978.
3. *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922—1935 гг. М., 1979.
4. *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979.
5. *Salvemini G.* Preludio alla seconda guerra mondiale // Opere III. Milano, 1967. Vol. 3.
6. Documents diplomatiques français. Sér. 1. P., 1980. Т. 9.
7. *Лисовский П. А.* Итало-абиссинский конфликт. М.; Л., 1935.
8. League of Nations. Official Journal. 1935.
9. *Mennevée R.* Les origines du conflit italo-ethiopien et la Société des Nations. P., 1936.
10. Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18.
11. *Макеев Д. А.* Советско-эфиопские отношения в 20—30-е гг.//Народы Азии и Африки. 1975. № 5.
12. *Funke M.* Sanktionen du Kanonen. Hitler, Mussolini und der internationale Abessinienkonflikt 1934—1936. Düsseldorf, 1971.
13. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. М., 1976.
14. *Laurens F. D.* France and the italo-ethiopian crisis 1935—1936. P., 1967.
15. *Noël L.* Des illusions de Strésa. P., 1975.
16. *Mori R.* Mussolini e la conquista dell'Etiopia. Firenze, 1978.
17. *Aloisi P.* Journal (25 juillet 1932—14 juin 1936). P., 1957.
18. L'iniquo processo di Ginevra: Documenti sul conflitto italo-etioptico/A cura del prof. G. Bosco. Firenze, 1936.
19. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
20. Archiv von publizistischer Arbeit (Internationales Biographisches Archiv). Abessinien und der Pakt von Rom.

А. Г. ЧЕВТАЕВ
Уральский университет

Англо-американские противоречия в вопросах военно-политической стратегии в Восточном Средиземноморье в 1942—1943 гг.

В истории второй мировой войны становление империалистических коалиций и их борьба между собой получили определенное освещение в советской литературе, тогда как проблемам